

Отражение националистической идеологии в работах южнокорейских историков по проблемам этногенеза корейцев

Выбор темы доклада сделан не случайно. Ещё во время работы над дипломным сочинением автор доклада обратил внимание на обилие точек зрения по вопросу этногенеза корейцев, самые фантастичные и разнообразные из которых высказывались в основном южнокорейскими историками. Анализ их, обнаружил интересные параллели, связывающие теории южнокорейских историков с более ранними работами японских учёных. Дальнейшее изучение данного вопроса позволило сделать ряд интересных выводов, обнаруживающих корни такого феномена как «исторический национализм» в «национализме колониальном», который в свою очередь в значительной степени оказывал и оказывает влияние на работы южнокорейских историков по проблемам этногенеза корейцев.

Целью доклада является попытка обнаружить параллели между взглядами современных южнокорейских историков на проблему этногенеза корейцев и теоретическими выкладками японских учёных, сделанных в основном в т.н. «колониальный период». А также наглядным образом продемонстрировать то негативное влияние, которое они оказывают на работы южнокорейских историков по вопросам этногенеза корейцев в настоящее время.

Актуальность доклада заключается в относительной не изученности данного феномена в работах современных российских корееведов. Кроме того, на наш взгляд большой интерес представляют корни корейского национализма и влияние колониального расизма на работы южнокорейских историков по проблемам этногенеза корейцев на современном этапе.

На поверхности лежит одна из причин возникновения националистической идеологии – уязвлённое чувство национальной гордости в т.н. «колониальный» период истории корейского народа, подстёгнутое в недавнем прошлом разработкой в КНР т.н. «Северо-восточного проекта». Вместе с тем, взгляды южнокорейских учёных на историю корейского этноса до сих пор испытывают на себе огромное влияние теорий, разработанных японскими учёными колониальной эпохи¹. Несмотря на все старания современных южнокорейских историков опровергнуть теории, порождённые официальной японской исторической наукой или созданные выходцами из среды корейской «компрадорской буржуазии», все их старания пропадают в пустую из-за упорного стремления оперировать тем же понятийным аппаратом, что и их оппоненты.

¹ Под колониальной эпохой автор понимает не только весь период аннексии, но и период расцвета европейских колониальных империй во второй половине XIX века.

Создавая свои теории, южнокорейские ученые лишь по-своему интерпретируют те или иные литературные источники, или археологические памятники, не выходя за границы восприятия процесса этногенеза колониальной эпохи. В итоге, современная южнокорейская историческая наука не делает шага вперед в деле построения теорий этногенеза корейского народа, а в лучшем случае – топчется на месте, или даже делает шаг назад каждый раз, когда на полке книжного магазина появляется очередное сочинение о «великом прошлом» «мудрого и могучего корейского народа» и его историческом моральном и физическом превосходстве над всеми другими народами Восточной Азии.

В центре современного южнокорейского понимания природы корейского народа, находится выведенное в годы аннексии корейским учёным-теоретиком Ли Гвансу понятие «сонмин» (добрый народ)². Ли в своих теоретических выкладках если не повторял, то, по крайней мере, не противоречил заключениям японской официальной колониальной пропаганды о тогдашнем состоянии корейского этноса и причинах, ввергших корейский народ в него.

Как и многие националисты, Ли Гвансу был уверен в существовании в прошлом «великой и могучей корейской расы», и возлагал вину за её вырождение на правящий дом Ли, во всём оглядывавшийся на соседний Китай. Таким образом, Ли соглашался с официальной японской точкой зрения об ущербности «чосонцинь» (современного ему корейского народа).³

Делая подобные заявления, Ли Гвансу отмежевывался от учёных-конфуцианцев, последователей знаменитой школы «сирхак», гордившихся «маленьким Китаем», созданным за время существования королевства Чосон в Корее, и шёл в формате японской политики «очернения» и искажения исторической роли Китая в судьбе народов Восточной Азии - мейнстрима японской официальной исторической науки.⁴

Выход из сложившейся «катастрофической» ситуации Ли Гвансу видел в «улучшении природы корейцев», которого можно было добиться лишь путём фундаментальной «перезагрузки» их ментальности через национальное (букв. националистическое) образование (민족 교육). Ли настаивал на том, что ни о какой самостоятельности и уж тем более ни о каком государственном суверенитете корейцам не стоит и помышлять, покуда они, путём глубокой внутренней трансформации не превратятся в «сонмин» (добрый люд), что по самым оптимистичным оценкам учёного должно было произойти не ранее,

² Pai H.I. Constructing "Korean Origins: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-Formation Theories. Cambridge. 2000. P. 259.

³ Там же, P.257

⁴ Там же, P.257

чем через пол века. Данное утверждение Ли Гвансу также не вступало в прямое противоречие с официальной точкой зрения, насаждаемой японскими колонизаторами, которые также выступали за срочное расовое «улучшение» «чосонцин» (корейского народа).⁵

Таким образом, нынешние воззрения южнокорейских учёных о корейцах, как о «хорошем народе» базируются на раскритикованных ими же теоретических выкладках Ли Гвансу о «сонмин» с тем лишь исключением, что в современных расовых теориях «добрая» природа корейского народа резко контрастирует со «злой» природой японцев.

Современная историческая наука заимствовала у теоретиков эпохи колониализма не только миф об исключительности национального характера корейского народа, но и развила представление об исключительности его антропотипа. Согласно исследованиям южнокорейского антрополога На Сечжина, представители корейского этноса в основном среднего или высоко роста, имеют длинную тонкую шею и прямую осанку, благодаря сбалансированному строению тела и мускулатуры. Более того, На считает, что по строению тела корейцы ближе к современным европейцам и американцам, нежели к азиатам. Черты лица и форма головы «истинных» корейцев, также резко выделяет их из общей массы азиатских народов, даже объём головного мозга среднего корейца, по словам На Сечжина, больше чем у среднего азиата.⁶

Таким образом, южнокорейский антрополог представляет среднего корейца лучше сложенным, имеющим больший мозг, обладающего большей физической силой и более совершенными моральными качествами, чем средний китаец (имеются ввиду именно «ханьцы») или японец.

Этот вывод На Сечжина возвращает южнокорейскую историческую науку ещё дальше, в XIX век, эпоху расцвета европейских колониальных империй, когда в ходу было представление о превосходстве «белой» расы над «цветными», а значит любые отклонения от «белого» стандарта признавались деградацией или атавизмом. А значит, приходится признать, что южнокорейские историки, признавая архаичную и давно отвергнутую передовой исторической наукой «иерархию рас», не в состоянии взглянуть широко на историю своего этноса и создать современную теорию этногенеза корейского народа, а все их нынешние теоретические построения являются лишь выворачиванием наизнанку прежних колониальных расовых теорий, созданных японской пропагандистской машиной или историками, выходцами из кругов «компрадорской» буржуазии.

⁵ Pai H.I. Указ. соч. Р. 259.

⁶ Там же, Р. 260.

Всю историю своего существования корейская националистическая историческая школа была в оппозиции к официальной японской, но в силу того, что обе они вели исследования, опираясь на единый теоретический базис колониального расизма, историки по обе стороны баррикад сходились во мнении по основным вопросам развития корейского народа. Ярким примером, иллюстрирующим данное утверждение является разработанная на рубеже XIX – XX вв официальной японской пропагандой концепция «истории Маньчжурии», где истории Кореи отводилась роль её составной части. После провозглашения марионеточного государства «Маньчжоу-го» официальная пропаганда усилила наступление на идеологическом фронте, начав представлять Маньчжурию, как прародину монголов, тунгусов (в том числе и корейцев) и даже китайцев (ханьцев). Идея заключалась в том, чтобы «обнаружить» общие истоки у всех народов Восточной Азии, ведущие в Манчжурию, что позволило бы идеологически обосновать «собираение» народов Северо-восточной Азии под сенью Японского императорского дома.⁷

Несмотря на то, что от бывшего могущества Японской империи не осталось и следа, идея «общей прародины» и, в некотором роде, идея «собираения» в рамках одного государства родственных этносов или, скорее, идея «возврата земель, некогда принадлежавших предкам», жива до сих пор не только в исторических кругах обеих Корей, но и достаточно глубоко укоренилась в умах простых корейцев. Прекрасно выразил эту идею южнокорейский историк Ким Дыкхванъ в своей книге «История Маньчжурии: потерянная прародина»: «Наш корейский народ (한민족) – первый народ, населивший Манчжурию и дольше всего правивший данным регионом. Таким образом, никто не может отрицать тот факт, что Манчжурия является нашей древней территорией.»⁸. Книга Ким Дыкхвана пропитана идеей корейской Манчжурии и, пусть и не прямо, но подводит читателя к мысли о необходимости возврата «утраченной прародины», и подобных книг в последние годы издаётся всё больше, и, надо отметить, что они находят своего читателя в Южной Корее. Среди прочих сочинений хотелось бы выделить произведение профессора Университета Тонъян, Ким Унхве «В поисках тэчусин...»⁹, обнаруживающего общие корни у многих народов Восточной Азии, ведущие на Алтай и в Маньчжурию. Профессор Ким на страницах своей книги не только показывает общее происхождение всех коренных народов Алтая, Монголии, Манчжурии, Приморья, Корейского полуострова и Японии, но и предлагает для них общий этноним - «чусин».

⁷ Pai H.I. Указ. соч. Р. 279.

⁸ 김득환. 잊혀진 고토 만주의 국사 (Ким Дыкхванъ. Потерянная прародина, история Манчжурии). 서울. 2003. Р. 5.

⁹ 김운회. 대륙신을 찾아서 (Ким Унхве. В поисках тэчусин). 서울. 2006.

Идея «общей прародины» господствует не только в публицистике, но и в специальной литературе, и даже в учебных пособиях. Она транслируется в сознание простых корейцев со школьной скамьи и любая попытка её развенчания принимается «в штыки» не только в научной среде, но и в приватной беседе практически с любым корейцем (северным, южным или представителем диаспоры), воспринимающим простые доводы в пользу более взвешенного восприятия истории, как личное оскорбление, или оскорбление памяти предков.

Уязвлённое в годы колониального господства Японии на Корейском полуострове национальное достоинство и теоретические выкладки корейских националистов в итоге привели к рождению националистической исторической школы в Республике Корея, которая на настоящий момент является господствующей исторической школой и получает большую моральную и финансовую поддержку от правительства страны.

Изучение истории Кореи в парадигме националистической исторической школы в последние десятилетия привело к искажениям истории страны и корейского народа, сместило акценты в изучении истории корейского народа. Многие южнокорейские историки такие как, к примеру, Чон Енгю, считают Тангуна, вполне реальной личностью¹⁰.

Под влиянием последних событий, связанных с одной стороны – с открытием для изучения южнокорейскими историками территории Средней Азии, Монголии, России и КНР, с другой стороны – с развёртыванием Китаем Северо-восточного проекта, представители националистической исторической школы Южной Кореи при непосредственной поддержке государственных и общественных фондов начали активно заниматься изучением истории государств Когурё и Пэкче. В то же время история государства Силла, культура, язык и народ которого в большей степени повлияли на этногенез корейцев, чем оба королевства вместе взятые, в последнее время изучается менее интенсивно, что удивительным образом контрастирует с положением в исторической науке периода правления Пак Джонхи, когда Южная Корея представлялась наследником богатой силланской культуры, что лишний раз демонстрирует излишнюю политизированность самого процесса изучения истории в Южной Корее, как следствие существования националистической исторической школы – наследницы колониальной идеологии, которая также являлась орудием пропаганды в руках японских оккупантов, как и её наследница в руках южнокорейских политиков.

Более того, в последние годы стало модным представлять действия Силла, вступившего в союз с Китаем династии Тан, и объединившего Корейский полуостров под эгидой одного

¹⁰ Chung Yenkyu, The New Horizon to Ancient Korean History. Paju. 2009.

государства, как предательство – концепция «южного государства – предателя» первоначально была разработана северокорейскими историками¹¹, но в последнее время становится популярной темой для обсуждения на страницах научно-популярных журналов и в сети интернет. Авторский коллектив учебника «Отечественная История»¹² для учеников средней школы буквально упивается военным могуществом Когурё и величием и самобытностью культуры Пэкче и даже Кая, в то время как история Силла описывается довольно скромно.

Одним словом, в последние годы рождается опасная тенденция искажения истории народа, выпячивание истории Когурё и Пэкче при одновременном частичном забвении истории Силла. По словам южнокорейского историка Ли Чжонъюка, южные корейцы начинают «стыдиться» истории Силла¹³. Необычайной популярностью пользуются исторические сериалы, воссоздающие легендарную историю Когурё или Бохая. Примером может служить стартовавший с большим успехом в 2006 году телесериал «Чумонъ», рождающий в душе простых обывателей чувство великой гордости за государство, которое на самом деле оставило довольно скромный след в культуре и языке корейцев.

Практически во всех книгах, посвящённых истории периода «Троецарствия», будь то детская книга «Рассказы о нашей истории» Чо Сонъю¹⁴, вышеупомянутый школьный учебник «История Кореи» или более серьёзный сборнике статей «Введение в древнюю историю Кореи»¹⁵, написанный целым коллективом авторов, история Силла всегда рассматривается последней. Возможно, в этом и есть некая логика: хронологическая, или логика повествования, ведь следующий раздел посвящён «Объединённому Силла», однако же, автор знаменитой «Самгук Саги», рассказывая об истории «Троецарствия», начинали именно с истории государства Силла, видимо, ощущая себя всё же больше силланцами, чем когурёсцами и пэкчесцами. Однако современная националистическая историческая школа видит историю Кореи иначе и предлагает нам её интерпретацию, где Когурё и Древний Чосон занимают более важное место в становлении корейского народа, чем королевство Силла.

Предлагают южнокорейские историки «вернуть в лоно отечественной истории» и историю государства Бохай, хотя данный вопрос до сих пор является достаточно дискуссионным. Эпоху корейской истории, известную ныне как эпоха Объединённого

¹¹ 한국고대사 산책 (Прогулка по древней истории Кореи). 서울. 1996. P.126.

¹² 국사 / 이종민 (Отечественная история / Под. ред. И Джон Мина). 서울. 2004.

¹³ 이종욱, 민족인가, 국가인가? 신라 내물왕 이전 역사에 답이 있다. (Ли Джонъюк, Ниция или государство? Ответ [кроется] в истории до силланского Нэмуль-вана). 서울. 2006. P.19

¹⁴ 조성오. 우리역사 이야기 – 1 (Чо Сонъю. Рассказы о нашей истории. Том 1). 서울. 1993.

¹⁵ 한국고대사입문 2 / 임성렬 (Введение в древнюю историю Кореи. том 2 / Под ред. Им Сонърёля). 서울. 2006.

Силла, предлагают называть не иначе как «История Северного и Южного государства»¹⁶, подчёркивая тот факт, что корейский этнос неполноценен без «северного элемента» и транслируя в прошлое нынешнюю ситуацию на Корейском полуострове. Хотя ещё в 1758 году Ан Чоньбок в своём сочинении «Тончаканъмок», исследовавший проблему отечественной истории, пришёл к однозначному выводу: историю Бохая нельзя называть корейской («아사[我史]»¹⁷), как, в прочем и китайской, она принадлежит народу «мохэ»¹⁸. К счастью, в последнее время в южнокорейской исторической науке появилась новая тенденция – поколение историков, сформировавших свои научные воззрения в знаменитую «эпоху перемен»¹⁹, всё чаще задаётся вопросом о приемлемости использования старых «лекал» в деле построения современных теорий этногенеза корейского народа.

¹⁶ 조성오. 우리역사 이야기 – 1 (Чо Соньо. Рассказы о нашей истории. Том 1). 서울. 1993. Р. 73.

¹⁷ Буквально - «наша история».

¹⁸ 이종욱 Указ. соч. Р. 15.

¹⁹ Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. – время крушения социалистического лагеря и прихода в самой Южной Корее к власти правительства, избранного демократическим путём.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pai H.I. Constracting “Korean Origins: A Critical Review of Archaeology, Historiography, and Racial Myth in Korean State-Formation Theories. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 2000. – 543 p.
2. 김득황, 잊혀진 고토 만주의 국사(Ким Дыкхванъ, Потерянная прародина, история Манчжурии). – 서울: (주) 도서출판 삶과 꿈, 2003. – 343 p.
3. Chung Yenkyu, The New Horizon to Ancient Korean History. – Paju: Jimoondang, 2009. – 322 p.
4. 한국고대사 산책 (Прогулка по древней истории Кореи). – 서울: 역사비평사, 1996. – 358 p.
5. 국사 / 이종민 (Отечественная история / Под. ред. И Джон Мина). – 서울: 교육인적자원부, 2004. – 358 p.
6. 김운희, 대주신을 찾아서 (Ким Унхве, В поисках тэчусин). – 서울: 해냄출판사, 2006.
7. 이종욱, 민족인가, 국가인가? 신라 내물왕 이전 역사에 답이 있다. (Ли Джонъук, Ниция или государсвто? Ответ [кроется] в истории до [восшествия на престол] силланского Нэмуль-вана). – 서울: 소나무, 2006. – 336 p.
8. 한국고대사입문 2 / 임성렬(Введение в древнюю историю Кореи. том 2 / Под ред. Им Сонърёля). 서울: 도서출판 시서원, 2006. – 399 p.
9. 조성오. 우리역사 이야기 – 1 (Чо Сонъо. Рассказы о нашей истории. Том 1). – 서울: 돌베개, 1993. – 247 p.